

СЕЛЬСКИЙ ЭЛЕКТОРАТ В КАЗАХСТАНЕ: МЕЖДУ ДИСЦИПЛИНАРНЫМ ГОЛОСОВАНИЕМ И ОСОЗНАННЫМ ВЫБОРОМ

Гульмира Илеуова¹
Нұрлы Марасулов²
Гульнар Насимова^{3*}

¹ Президент Общественного фонда «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», ассистент-профессор кафедры политологии и политических технологий Казахского национального университета имени аль-Фараби, кандидат социологических наук, Алматы, Казахстан; e-mail: gulmira@ofstrategy.kz

² Докторант кафедры политологии и политических технологий Казахского национального университета имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан; e-mail: marassulov_nurly1@live.kaznu.kz

^{3*} Заведующая кафедрой политологии и политических технологий Казахского национального университета имени аль-Фараби, профессор, доктор политических наук, Алматы, Казахстан; e-mail: gulnar.nassimova@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.2.002>

Аннотация. В последние годы в Казахстане происходят значимые изменения политического поведения граждан, что находит отражение в изменении их отношения к выборам и участия в них. В рамках данной статьи представлены результаты исследования электорального поведения сельских жителей Казахстана, проведенного на основе сопоставления представлений горожан о сельских избирателях, полученных в результате фокус-групповых дискуссий в 2024-2025 гг., с данными социологических опросов и фактическими результатами парламентских выборов за 2004-2023 гг. В ней рассмотрено как проживание в сельской местности формирует особенности политического поведения в период выборов и какие факторы являются наиболее существенными в рамках сельского голосо-

ния, а также какие из существующих в социуме представлений о сельских избирателях соотносятся с реальностью, а какие являются стереотипом.

Ключевые слова: *электоральное участие, сельский электорат, городской электорат, политические стереотипы.*

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АУЫЛДЫҚ ЭЛЕКТОРАТ: ТӘРТІПТІК ДАУЫС БЕРУ МЕН САНАЛЫ ТАҢДАУ АРАСЫНДА

Гүлмира Илеуова¹, Нұрлы Марасулов², Гүлнар Насимова^{3*}

¹«Стратегия» әлеуметтік және саяси зерттеулер орталығы» қоғамдық қорының директоры, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының ассистент-профессоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты,

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының докторанты,

^{3*}Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, профессор, саяси ғылымдарының докторы.

Аңдатпа. Соңғы жылдары Қазақстанда азаматтардың саяси мінез-құлқында айтарлықтай өзгерістер байқалды, бұл олардың сайлауға деген көзқарастарының өзгеруінен және қатысуынан көрінеді. Бұл мақалада Қазақстанның ауыл тұрғындарының сайлау мінез-құлқын зерттеу нәтижелері ұсынылған. Зерттеуде 2024-2025 жылдардағы фокус-топтық талқылаулар арқылы алынған қала тұрғындарының ауыл сайлаушылары туралы пікірлері 2004 жылдан 2023 жылға дейінгі әлеуметтік сауалнамалардың деректерімен және парламенттік сайлаудың нақты нәтижелерімен салыстырылды. Онда ауылдық жерде тұру сайлау кезінде саяси мінез-құлықты қалай қалыптастыратыны және ауылдық жерде дауыс беруде қандай факторлар ең маңызды екені қарастырылады. Сондай-ақ, ауылдық сайлаушылар туралы қолданыстағы қоғамдық түсініктердің қайсысы шындыққа негізделген және қайсысы стереотиптер болып табылатыны қарастырылады.

Түйін сөздер: *сайлауға қатысу, ауылдық сайлаушылар, қалалық сайлаушылар, саяси стереотиптер.*

THE RURAL ELECTORATE IN KAZAKHSTAN: BETWEEN ELECTORAL DISCIPLINE AND INFORMED CHOICE

Gulmira Ileuova¹, Nurly Marasulov², Gulnar Nassimova^{3*}

¹President of the Public Foundation «Center for Social and Political Studies «Strategy», Assistant Professor of the Department of Political Science and Political Technologies at Al-Farabi Kazakh National University, Candidate of Sociological Sciences,

² Doctoral student in the Department of Political Science and Political Technologies at Al-Farabi Kazakh National University,

^{3*} Head of the Department of Political Science and Political Technologies at Al-Farabi Kazakh National University, Professor, Doctor of Political Science.

Abstract. In recent years, Kazakhstan has undergone significant transformations in citizens' political behavior reflected in their changing attitudes toward and participation in elections. This article presents the results of a study of the electoral behavior of the rural residents of Kazakhstan. The study compared urban residents' perceptions of rural voters, obtained through the focus group discussions conducted in 2024-2025, with data from sociological surveys and the factual data on the parliamentary elections from 2004 to 2023. The article examines how the rural residence shapes political behavior during elections and which factors are the most significant for rural voting. It also investigates which of the prevailing societal perceptions of rural voters correspond to empirical reality and which constitute stereotypes.

Keywords: *electoral participation, rural electorate, urban electorate, political stereotypes.*

Введение

Электоральное поведение граждан определяется множеством самых различных факторов, основным из которых является политическое сознание и составляющие его элементы (идеи, чувства, представления, стереотипы и др.). В данной статье попытаемся рассмотреть влияние социально-географического фактора, а именно: как проживание в сельской местности влияет на электоральное поведение её жителей во время общенациональных выборных кампаний, а также какие представления о сельском электорате сформированы в городской среде.

В зарубежной научной литературе отмечается, что представления (архетипы и стереотипы) прямым образом влияют на принятие гражданами политических решений [1]. При этом данные представления и стереотипы формируют общественное мнение и «порождают своего рода конформизм: адаптацию масс к господствующим взглядам» [2, с. 2167]. Кроме того, представления влияют на процесс самоидентификации и ориентации в социально-политической среде посредством самостереотипизации представителей своей группы и стереотипизации других групп, что способствует однородности и обособленности внутри группы, а также формированию предвзятости к чужим группам [3].

Исследования различия сельской и городской политической культуры, её манифестации в виде политического участия и детерминирующих её факторов берут начало со второй половины 20 века. Например, Сеймур Липсет выделял в качестве наиболее важного фактора — изоляцию сельского населения, которая усиливает политические взгляды и защищает сельское население от конкурирующих идей. Сельские районы более однородны, а сельские избиратели менее мобильны, что способствует консервации их политических взглядов [4], приверженности морально-тради-

ционалистским позициям [5] и склонности поддерживать инкумбента [6].

Проведённые в развитых и развивающихся странах исследования показали, что сельские избиратели чаще склонны к участию в политическом процессе посредством голосования, чем их городские коллеги. Данные исследования подчеркивают важность политической общности как определяющего фактора политического участия. Социально-экономическая однородность и тесные социальные связи внутри сельских сообществ способствуют повышению явки на выборы [7].

Корреляция между проживанием в сельской местности и электоральным участием особенно ярко выражена в развивающихся странах, где сельские избиратели значительно чаще голосуют, чем городские. Исследователи отмечают, что сельчане гораздо чаще идентифицируют себя с той или иной политической партией. Более высокая явка сельских избирателей в латиноамериканских и африканских развивающихся странах объясняется общей тенденцией правящих партий мобилизовать этих избирателей.

Электоральную активность в сельских районах зачастую связывают с экономическим фактором, поскольку низкая экономическая диверсификация сел демонстрирует «более низкий уровень субнациональной демократии, чем более динамичные и диверсифицированные экономические системы в городах. Локальная концентрация ресурсов делает избирателей уязвимыми для внеэкономического давления» [8]. Кроме того, сельские избиратели чаще испытывают социальное давление со стороны своих более сплоченных общин [7] [9], ведь у них наблюдается более выраженное «местное сознание»: сельские жители больше привязаны к своей сельской идентичности, чем горожане к городской [10] [11] [12] [13]. В качестве субъектов такого давления называют местную политическую элиту и «клиентелистские сети» [14], с которыми сельчане традиционно более тесно связаны, подконтрольны им, и это обеспечивает «блоковое голосование» на выборах [7].

В целом, характеризуя сельский электоральный запрос, исследователи отмечают следующее: 1) запрос на описательное представление электорального выбора в сельской местности, но не в городской; 2) более сильный запрос на то, чтобы кандидаты фокусировались на типе своего района; 3) запрос на позитивную эмоциональную риторику по отношению к типу своего района [15].

Интересно, что российские авторы, изучающие поведение сельского электората на собственном материале, отмечают существенное снижение у сельчан интереса к политике, поскольку в данное время в сельской местности «практически отсутствует возможность воспроизводства активных политических практик, а участие в политической жизни сводится к ритуалу голосования на выборах». Это связывают с отчуждением от деятельности государства, недовольством проводимым курсом, которое выражается «не в политической активности и протесте, а в отчуждении и игнорировании официальных политических действий, процессов и мероприятий» [16].

Отметим, что поставленная задача статьи довольно сложна в осуществлении, поскольку в Казахстане в целом недостаточно научной литературы по выбранной тематике. Анализ источников показал, что исследования

результатов президентских и парламентских кампаний не многочисленны, еще реже становятся предметом специального изучения особенности сельского голосования. А после принятия решения о введении выборности акимов сельских округов спектр научного интереса сместился в сторону изучения электоральных процессов во время местных выборов, что, безусловно, можно оценивать как позитивный факт, но при этом не позволяющий сделать нужные выводы по выбранному предмету изучения [17] [18] [19] [20].

Вместе с тем можно утверждать, что для Казахстана то, как голосуют сельские избиратели, является крайне важным. Сельские избиратели составляли и составляют значимую часть казахстанского электората (примерные доли в 2009 г. – 41,42%, в 2025 г. – 35,83%) , поэтому явка сельчан на выборы, их политические предпочтения оказывают мощное воздействие на итоги любого голосования. В целом отличие сельского электорального участия от городского является вполне естественным ввиду различий в городской и сельской среде плотности и частоты межличностных связей, особенностей базовой культуры общения, выбора коллективистских или индивидуальных стратегий выживания, факторов восприятия политических процессов и персоналий, особенностей политической культуры и поведения [5] [7]. Именно эти различия мы взяли за основу, чтобы в условиях дефицита научных данных сосредоточить внимание на особенностях электорального участия горожан и сельчан в сравнительном контексте. Считаем этот подход практически единственно доступным в условиях отсутствия специализированных исследований сельского электората Казахстана.

Методология

Электоральное участие, наряду с общественным, гражданским, инструментарным, цифровым, является составной частью широкого понятия «политическое участие». В Казахстане за годы независимости электоральное участие граждан под воздействием различных политических факторов стало изменяться и обретать собственные тенденции развития. В рамках проекта «Причины и движущие силы политического участия, выявление региональных особенностей развития форм политического участия» в 2024 и 2025 гг. были осуществлены две серии фокус-групповых обсуждений: всего проведено 24 фокус-групп в 8 городах страны. Одним из направлений дискуссий было обсуждение вопросов электорального участия, особенностей электорального поведения представителей различных групп населения в зависимости от таких параметров, как место жительства, пол, возраст, фактор материальной обеспеченности. Кроме того, в целях сравнения особенностей политического участия в группы приглашались внутренние мигранты, т. е., лица, переехавшие из села в город в последние два года (1–2 в каждой ФГД).

В начале проекта нами были выдвинуты гипотезы о наличии специфики политического, включая электоральное, участия в зависимости от регионального признака, и о том, что городским избирателям, особенно проживающим в крупных городах, характерна низкая электоральная мотивация и активность. Полученные в ходе фокус-групп результаты подтверди-

ли выдвинутые предположения о городском голосовании. В то же время ответы респондентов-горожан вызвали интерес к такой стороне электорального процесса в Казахстане, как отличие поведения городских и сельских избирателей во время парламентских выборов. В ходе ФГД выявилось, что среди горожан сложились представления о сельских избирателях, которые вполне можно отнести к стереотипным, что и вызвало исследовательский интерес по восприятию электорального поведения сельчан горожанами. При этом в статье не ставилось целью раскрыть собственно механизм формирования электорального поведения сельского населения.

В качестве дополнительного источника для подтверждения или опровержения сложившихся представлений горожан о сельском голосовании, полученных в рамках фокус-группового исследования, было решено обратиться к результатам электоральных опросов населения, проведенных сотрудниками ОФ «ЦСПИ «Стратегия» в период с 2004 [21] по 2023 гг. Исследования осуществлялись на основе общенациональной выборки, которая колебалась в пределах 1100–1600 респондентов; разрез на городское и сельское население был одним из параметров выборки. Отметим, что вопросы в проектах разных лет не всегда совпадали в полной мере (различались формулировки вопросов и расширения ответов и т. п.), но все-таки авторы посчитали возможным взять их для сравнения, поскольку в фокусе внимания находилась одна тема — поведение населения в период парламентских выборов (и здесь нужно сделать оговорку, что поведение в период президентских кампаний имеет отличия, которые видны как по результатам количественных, так и качественных исследований).

Таким образом, основной эмпирической базой для анализа выступили материалы фокус-групповых дискуссий, проведенных в 8 городах, которые позволили поставить исследовательский вопрос, а дополнительный — вторичный анализ количественных данных электоральных опросов разных лет.

Результаты исследования и их обсуждение

Практически на всех фокус-группах участники дискуссий исходили из того, что в сельской местности явка на выборах более высокая, чем в городе. Весь объем аргументов в поддержку данной точки зрения и объяснений электоральной активности сельчан можно свести в несколько блоков. Речь идет о сочетании аргументов, связанных с особенностями (компактного) проживания на селе, отсюда следующих различий в образе жизни городского и сельского населения и также возможности осуществления более плотного социального контроля над жителями села.

Первым по частоте упоминаний в качестве объяснений можем назвать блок представлений горожан, объединенных вокруг социальной сплоченности и более тесного общения жителей села, как объяснения электоральной активности сельских избирателей.

На фокус-группах горожане отмечают более тесные связи сельчан в силу особенностей проживания, «в селах люди живут компактно, и все знают друг друга». По мнению горожан, для сельчан выборы — это общественно-значимый повод, чтобы встретиться, пообщаться и обсудить по-

литические и иные новости, а для сельских жителей старшего поколения — это значимое событие, разбавляющее однообразные будни, «некая новая струя событийная».

Интерес к выборам подогревается и атмосферой праздника, поскольку они сопровождаются музыкой, угощениями и праздничным настроением, «в селе ходят же как на праздник». Примечательно, что некоторые горожане, критически описывая то, как, по их мнению, сейчас проходят выборы на селе, противопоставляют им воспоминания из своего детства: «В моем детстве даже давали подарки», «там по льготной цене продавали колбасу, шоколад, то, чего у людей не было».

Следующий блок объяснений особенностей электорального поведения сельчан связан с различиями в образе жизни и выбранных приоритетов городских и сельских жителей. Прежде всего, городские респонденты объясняют свою пассивность нехваткой времени, большой загруженностью на работе и бытовыми делами: «Для горожан работа, кажется, важнее», поэтому в свой единственный выходной они предпочитают отдыхать, а не идти на избирательный участок. Заметим, что данное утверждение коррелирует с результатами исследований КИСИ 2024 года, где было отмечено, что «городские агломерации, как правило, демонстрируют более низкую явку, что может быть связано с различными факторами, включая занятость населения, уровень политической апатии» [22, с. 53].

У горожан выше информационная насыщенность жизни, они имеют доступ к большему объему источников информации и часто настроены более скептически или цинично по отношению к выборным процессам, у них выше уровень недоверия власти, в то время как на селе «там больше руководителю доверяют, слушают его». В этой связи сельское население горожане зачастую характеризуют как более «наивное», «доверчивое» и «послушное». Подобное представление подтверждается и данными исследования 2022 года, по которому 43% жителей районных центров и сёл утверждали, что простые люди могут повлиять на власть [23].

Еще один момент, на который обращали внимание участники фокус-групп, в больших городах люди часто не знают даже своих соседей по подъезду («Сейчас никто никого не знает»), что создает атмосферу анонимности и снижает чувство коллективной ответственности, в то время как «жители сёл более дружные, они друг друга знают, семьями ходят» на выборы: «все, сходя, голосуют».

Не менее важным для понимания того, как видят горожане осуществление электорального процесса в сельской местности, является блок объяснений, описывающих использование механизмов социального и административного контроля над явкой со стороны организаторов выборов.

Как предполагают участники групповых дискуссий, активность сельских избирателей может объясняться тем, что «в малых населенных пунктах гораздо проще проконтролировать, кто пришёл на участок, а кто нет». В силу невысокого числа избирателей учителя или сотрудники акиматов могут лично обзванивать жителей или даже приходить домой, призывая прийти на голосование.

Отдельные участники ФГД указывали на «добровольно-принудитель-

ный» характер участия в выборах в сёлах, где руководители предприятий или акимы могут оказывать давление на подчиненных: «возле ящика директора сидят же, они ходят, чтобы перед ними отметиться. Если скажут, что кто-то не пришёл, машину отправляют». Для части горожан очевидно, что объяснением, почему на селе явка высокая, может являться страх избирателей перед санкциями, зависимость от администрации села или работодателя, который может оказаться единственным в этом населённом пункте: «у меня дети есть, без работы останусь».

Вместе с тем нельзя сказать, что все участники фокус-групповых обсуждений считали, что на селе электоральная активность выше. По мнению некоторых участников ФГД, в городах явка может быть выше из-за большей информированности жителей и более активной гражданской позиции. Также сформировано мнение, что городские жители чаще ходят на выборы по собственному желанию, чтобы изменить ситуацию в стране, в то время как сельчан чаще «заставляют», и что они ходят по привычке.

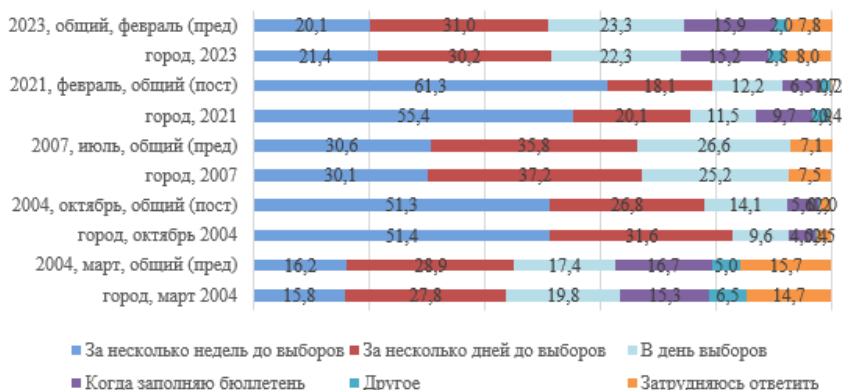
Итак, согласно фокус-групповым исследованиям, в среде горожан бытует мнение о том, что сельские жители являются более активными избирателями. Так ли это? И могут ли влиять на уровень общей явки особенности электорального поведения одной из групп населения, например сельских жителей? На основе результатов количественных исследований попробуем сравнить различные аспекты электорального поведения городских и сельских избирателей с целью подтвердить или опровергнуть сложившееся восприятие горожан.

При рассмотрении результатов социологических опросов, проведённых в предэлекторальный (в рисунках 1 и 2 обозначение «пред») и постэлекторальный (в рисунках 1 и 2 обозначение «пост») периоды, может отметить, что есть различия ответов на вопрос о том, когда опрошенные принимают решение о голосовании. Так, по итогам опросов на входе в выборные кампании (в марте 2004 г., июле 2007 г., феврале 2023 г.) около трети респондентов говорили, что принимают решение о том, за кого проголосуют, за несколько дней до выборов (29–36%). Несколько меньшее число участников опроса принимало решение за несколько недель до дня голосования (16–31%). Стоит обратить внимание, что и в день выборов принимало решение о голосовании также сравнительно высокое число опрошенных – на уровне четверти в опросах 2007 г. и 2023 г.

При этом если посмотрим на итоги постэлекторальных опросов (а они были проведены через месяц после парламентских выборов — в октябре 2004 г. и феврале 2021 г.), то можем заметить, что в этом случае большинство опрошенных настаивает на осознанном выборе своего кандидата или партии, поскольку более половины из них (более 50%) решение приняло за несколько недель до дня голосования, а доля тех, кто сделал выбор в день голосования, гораздо ниже показателей предэлекторальных опросов (13–14%).

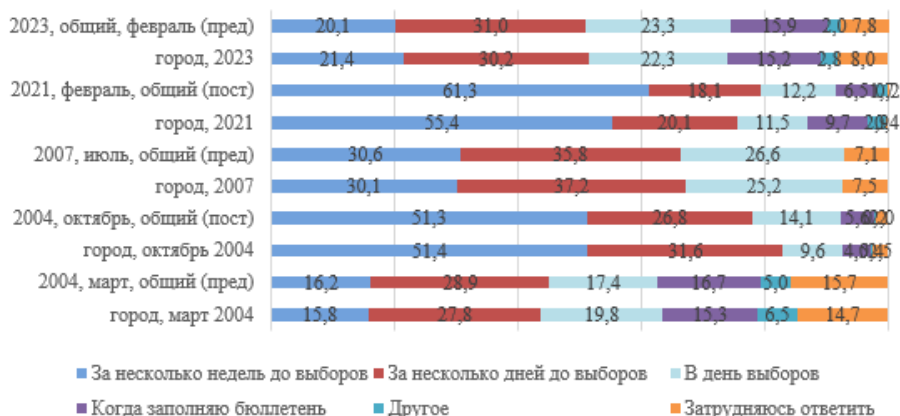
Обращает внимание практически полное сходство распределений ответов горожан на вопрос о голосовании с общими данными по массиву: совпадают ответы как предэлекторального, так и постэлекторального периодов.

Рисунок 1. Когда Вы принимаете/Когда Вы приняли решение о том, за кого проголосуете? (%; сравнительные данные общего показателя и по городскому электорату)

Распределение результатов опросов сельских избирателей тоже имеет сходство с общим рисунком ответов, хотя выбиваются данные постэлекторального исследования 2004 г., когда практически каждый пятый сельчанин принял решение о голосовании в день выборов (19,3%) и такого же исследования 2021 г., согласно которому 69,5% опрошенных сельчан приняли решение о голосовании за несколько недель до выборов — характерный ответ для осознанного голосования. Напомним, что выборы 2004 г. проходили по смешанной системе, в то время как выборы 2021 г. проводились по пропорциональной системе, что возможно повлияло на уровень мобилизации сельского электората.

Рисунок 2. Когда Вы принимаете/Когда Вы приняли решение о том, за кого проголосуете? (%; сравнительные данные общего показателя и по сельскому электорату)

Таким образом, можно сделать вывод об уже сложившихся и при этом схожих описаниях процесса принятия решения при электоральном выборе представителями городского и сельского электората. Причем эта схожесть фиксируется как в опросах на входе в избирательные кампании (решение за несколько дней и несколько недель до голосования), так и при изучении электоральной памяти (в этом случае чаще сообщалось, что решение принимается за несколько недель до выборов). Интересно, что ответы о «маргинальном» решении сделать выбор в момент заполнения бюллетеня чаще всего были зафиксированы на предэлекторальных опросах в 2004 г. и 2023 г., т.е., перед выборами по смешанной, пропорционально-мажоритарной, системе. Например, среди сельского электората доля таких ответов составила 19,5% и 17%, в городе 15,3% и 15,2%, соответственно.

Важным направлением изучения электорального поведения является изучение вопроса непосредственно о явке избирателей на выборы. Официальные данные Центральной избирательной комиссии по явке на парламентских выборах показывают складывающиеся электоральные тенденции, начиная с 1995 г., и также фиксируют значительные колебания показателей явки в зависимости от того, по каким правилам проходит выборная кампания. Всего с 1995 г. в Казахстане проведено 9 кампаний (включая кампанию 1994 г. в однопалатный Верховный Совет). Показатели явки 8 избирательных кампаний в двухпалатный Парламент, проведенных по различным правилам, распределяются следующим образом:

- мажоритарные выборы 1995 г. (явка 79,8%),
- выборы по смешанной пропорционально-мажоритарной системе (1999 г. — явка 62,56% в первом туре и 51,37% во втором туре; 2004 г. — 54,3% и 2023 г. — 54,15%),
- выборы по пропорциональной системе (2007 г. — явка 68,6%; 2012 г. — 75,4%; 2016 г. — 77,12% и 2021 г. — 63,25%).

Укажем, что согласно данным территориальных избирательных комиссий, представленных в издании КИСИ 2024 года, «при сравнении явки в разрезе городов и районов областей Казахстана отмечается, что явку избирателей в основном обеспечивают жители сел, сельских округов и городов районного значения. В то время как жители городов более пассивны при осуществлении активного избирательного права» [22, с. 55].

Как видим, самые высокие официальные показатели явки на выборах в Парламент (выше 70%) фиксировались в 1995 г., 2012 г. и 2016 г. На выборы 2004 г. и 2023 г. пришло примерно одинаковое число избирателей (54,3% и 54,15% соответственно). Колебания официальных показателей явки разных лет в 20 и более процентов, безусловно, вызывают интерес и требуют интерпретации, в том числе с использованием социологических подходов.

В электоральных исследованиях задаются разные вопросы с целью уточнить, ходили ли респонденты на выборы или планируют ли они пойти на выборы в уже определенную дату? Вопрос может также задаваться в гипотетической форме, без привязки к точной дате — планируют ли граждане пойти на выборы, если они состоятся в ближайшее время/воскресенье? В наших исследованиях задавались вопросы в различных формах, отдельные результаты представлены ниже.

На основе опросов марта 2004 г., октября 2004 г. и февраля 2021 г. можем провести сравнение официальных итогов парламентских выборов и результатов социологических замеров (см. табл. 1). Имеет место разрыв между официальными данными ЦИКа об итогах голосования 1999 г. (62,56% в первом туре, 51,37% – во втором туре) и результатов опроса по оценке электоральной памяти (37%). В этом случае очевидно повлияло то, что опрос проводился почти через 5 лет после выборов, поэтому нет ничего удивительного в том, что респонденты не помнили — ходили они на выборы или нет. В другом случае — по итогам выборов в Мажилис 2004 г. – разницы между официальными результатами по явке и опросными данными практически нет: 54,3% и 57,3% соответственно, по опросу показатели даже чуть выше (3%), при этом опрос проводился через месяц после выборов. Январские выборы 2021 г. снова выявили различия между данными ЦИКа и результатами опроса – 63,25% и 44,8%, хотя опрос проводился также через месяц после выборов.

Поскольку целью данной работы является выявление особенностей сельского голосования, рассмотрим соответствующий разрез. Анализ данных показывает, что какой-то одной особенности электорального поведения не прослеживается: в опросах 2004 г. сельские избиратели показывали более высокий уровень электоральной памяти в сравнении с горожанами (особенно в опросе октября 2004 г. – 71,7% и 48,8% соответственно), при том, что показатели памяти о явке на выборах 2021 г. у сельского и городского электората находятся на одном уровне.

Таблица 1. Состояние электоральной памяти (по вопросу: «Скажите, вы принимали участие в голосовании на выборах в Мажилис Парламента, которые состоялись...?»)

Участие	10 и 24 октября 1999 г.			19 сентября 2004 г.			10 января 2021 г.		
	по стране	город	село	по стране	город	село	по стране	город	село
Да	37,0	33,3	44,3	57,3	48,8	71,7	41,5	41,0	42,2
Нет	52,3	56,2	44,3	42,3	50,9	27,7	54,2	54,3	54,0
Затрудняюсь ответить	10,7	10,4	11,3	0,4	0,3	0,6	4,4	4,7	3,9

Чтобы проанализировать результаты опросов по гипотетической явке, т.е. без привязки к какой-либо дате, приведем данные по трем опросам: двум предэлекторальным — марта 2004 г. и ноября 2012 г. — и одного постэлекторального, который проведен в марте 2017 г., через год после выборов. И в городе, и на селе половина и более участников опросов подтверждали своё участие на парламентских выборах, если они состоятся в ближайшее воскресенье. Причем сельские избиратели чаще говорили о том, что пойдут на выборы, чем городские: так в мартовском исследовании 2017 г. 72,6% сельских избирателей сказали, что примут участие в выборах в Мажилис Парламента РК, если они состоятся в ближайшее воскресенье (напомним, что предыдущие выборы состоялись в марте 2016 г., официальная явка по

стране составила 77,12%), в то время как среди горожан доля потенциальных участников составила 57,4%.

Авторы располагают и результатами опросов населения по оценке потенциальной явки на основе замеров в преддверии выборов, которые состоялись 19 сентября 2004 г. (опрос прошел в июне 2004 г.), 18 августа 2007 г. (опрос прошел в июле 2007 г.) и 19 марта 2023 г. (опрос прошел в феврале 2023 г.) (см. табл. 2). Если суммировать ответы респонденты, то на выборы 2004 г. планировали прийти 70% опрошенных (официальная явка 54,3%; в городе – 66%, в селе – 79,9%), в 2007 г. планировали (обязательно и скорее всего пойдут на голосование) прийти на выборы 77,9% опрошенных (официальная явка 68,6%), при этом в селе – 81,5%, в городе – 75,4% респондентов. В мартовских выборах 2023 г. собирались принять участие 59% опрошенных (официальная явка 54,15%), при этом 56,9% в городе, а в селе – 61,9%.

Обращает внимание, что показатели количества избирателей, которые в 2007 г. и 2023 г. собирались обязательно принять участие в выборах и точно не пойдут на голосование, не имеют значимых колебаний, причём как общие, так и в разрезе город/село: например, в 2007 г. обязательно пойдут – 51,9% по стране, 51,1% в городе, 53,1% на селе; в 2023 г. обязательно пойдут – 22,7% по стране, 22% в городе и 23,7% на селе.

Очевидно, что исходя из социологических данных можно утверждать, что голосование сельских избирателей имело важное значение для результатов выборов 2004 г. и 2007 г. Примечательно, что данные выборы были проведены по разным избирательным системам (смешанной и пропорциональной соответственно), но это не оказало значимого влияния на электоральное поведение сельских избирателей. Вместе с тем подобный вывод нельзя сделать о выборах 2023 г., проведённых по смешанной системе, но не получивших высокой поддержки за месяц до голосования у сельчан.

Таблица 2. Вы планируете принять участие в голосовании на предстоящих выборах, которые состоятся...? (%; сравнительные данные)

Явка	в 2004 г.			18 августа 2007 г.			19 марта 2023 г.		
	по стране	город	село	по стране	город	село	по стране	город	село
Обязательно приму участие в голосовании	42,0	38,0	51,7	51,9	51,1	53,1	22,7	22,0	23,7
Скорее всего, приму участие в голосовании	28,0	28,0	28,2	26,0	24,3	28,4	36,3	34,9	38,2
Скорее всего, не пойдут на голосование	13,1	15,1	8,2	5,6	6,6	4,3	25,0	26,5	22,8
Точно не пойдут на голосование	12,7	15,4	6,1	7,3	7,6	6,7	13,6	13,2	14,3
Еще не решил (-а) окончательно	-	-	-	7,3	8,3	6,0	-	-	-
Затрудняюсь ответить	4,2	3,5	5,7	1,9	2,2	1,5	2,5	3,4	1,1

Таким образом, анализ социологических данных показывает, что в разные годы не менее 50% участников опросов планировали прийти на парламентские выборы, вне зависимости от того, будут ли они проходить в уже назначенную дату или в «ближайшее воскресенье». Что движет потенциальными избирателями, почему они пойдут на выборы? Рассмотрим, какие различия по этому вопросу выявлены в объяснениях представителей сельского и городского электората.

Результаты двух постэлекторальных опросов (октября 2004 г. и февраля 2021 г.) показывают, что сельские избиратели чаще городских приоритетом своего участия в выборах называют то, что «это является долгом гражданина, я всегда хожу на выборы»: в 2004 г. данный вариант ответа выбрали 62,4% опрошенных в селе и только 44,4% опрошенных в городе; соответствующее распределение в 2021 г. – 56,6% и 47,1%. Отметим, что подобное объяснение в социологической науке чаще относят к дисциплинарной форме электорального поведения, как и вариант ответа «я участвовал в голосовании в принудительном порядке». В этом случае ответы распределились иначе: так, если о принудительности голосования в 2004 г. сказало примерно равное число опрошенных в городе и селе (2–3%), то в опросе 2021 г. о принудительном голосовании чаще (почти в 3 раза) сообщали горожане, чем сельчане (10,8% и 3,6%). Можем предположить, что это говорит о более активном использовании ресурса мобилизации в рамках организованных и достаточно крупных трудовых коллективов, которые больше представлены в городских условиях.

В то же время городским избирателям в большей степени свойственна и осознанная электоральная активность. Так, в этой среде чаще выбирали вариант ответа «я не хотел, чтобы кто-то вместо меня распорядился моим «голосом»: в 2004 г. 26% по сравнению с 17,8% среди сельских жителей, в 2021 г. разрыв данных по этому варианту ответа меньше, но, тем не менее, присутствует, соответственно, 26,3% и 22,4%.

Вместе с тем есть изменения, которые произошли при выборе варианта ответа «я хотел отдать свой голос за партию (кандидата), деятельность которой (-ого) поддерживаю», также характеризующего наличие осознанного голосования в электорате. Если в 2004 г. этот вариант ответа чаще выбирали городские избиратели (23,4% и 15,9%), то в 2021 г. распределение ответов изменилось – среди горожан, число отдающих свой голос за партию/кандидата, деятельность которых поддерживают, уменьшилось в два раза (12,6%), при том, что среди сельских жителей оно осталось на прежнем уровне (15,3%). Таким образом, можно говорить о существенных изменениях в электоральных настроениях горожан в сторону снижения осознанного голосования при стабильности подходов части сельского электората. Т.е. выявленные на фокус-группах представления горожан об активном сельском голосовании являются стереотипными, и возможно основанными на недостоверной информации.

Таблица 3. Причины участия в выборах (%; сравнительные данные)

Причины участия	Октябрь, 2004 г.			Февраль, 2021 г.		
	по стране	город	село	по стране	город	село
Участие в выборах является долгом гражданина, я всегда хожу на выборы	52,7	44,4	62,4	51,1	47,1	56,6
Я не хотел, чтобы кто-то вместо меня распорядился моим «голосом»	22,2	26,0	17,8	24,7	26,3	22,4
Я участвовал в голосовании в принудительном порядке	2,3	1,8	2,9	7,8	10,8	3,6
Я хотел отдать свой голос за партию (кандидата), деятельность которой (-ого) поддерживаю	19,9	23,4	15,9	13,7	12,6	15,3
Я хотел проголосовать по системе «Сайлау»	1,8	2,7	0,8	-	-	-
Другое	0,4	0,7	0	0,2	0,4	-
Затрудняюсь ответить	0,7	1,1	0,2	2,5	2,9	2,0

Для описания особенностей электоральной ситуации в Казахстане имеет смысл рассмотрение причин того, почему от четверти до трети потенциальных избирателей (по итогам опросов) не хотели и не планировали участвовать в парламентских выборах. Анализ фокус-групп зафиксировал неверие электоральным процессам со стороны горожан; так, респонденты говорили, «что выборы за последние лет 20 они уже заранее все решены. А то, что люди ходят, голосуют за кого-то – это чисто показуха» и «Что там всё решили уже, что наш голос всё равно ничего не значит». Согласно результатам опросов, основной причиной снижения потенциальной явки также является неверие избирателей в качество выборного процесса (вариант ответа «результаты выборов известны заранее, от моего голоса ничего не зависит»). Причем число выбирающих такой ответ выросло в 2021 г. по сравнению с 2004 г. более чем в два раза, в равной мере и в сельской, и в городской среде (в городе с 23,3% до 58,8%, в селе с 24,7% до 54,4%).

Вместе с тем снизились показатели равнодушия к итогам голосования: так, если в 2004 г. о том, что «мне было безразлично, кто будет избран», сказали 17,7% опрошенных в селе, то в 2021 г. доля таких ответов снизилась до 10,3%, в городе распределение ответов 23,9% и 14,4% соответственно.

Обращает внимание и то, что в 2021 г. сельские избиратели чаще жаловались на состояние здоровья, как причину неучастия в выборах (7,1%) и на низкий уровень информированности (не знали номер своего избирательного участка) – 8,7%; в то время как городские избиратели чаще выбирали вариант ответа «мне не была симпатична ни одна из участвующих в выборе политическая партий/никто из кандидатов» – 8,1%. В то же время, если в 2004 г. каждый десятый избиратель жаловался в качестве причины своего неучастия в выборах на то, что его фамилии не было в списках, то в 2021 г. таких ответов не было зафиксировано, что говорит о позитивных изменениях в подготовительной работе избирательных комиссий.

Таблица 4. Причины неучастия в выборах (%; сравнительные данные)

Причины неучастия	в 2004 г.			18 августа 2007 г.		
	по стране	город	село	по стране	город	село
Мне было безразлично, кто будет избран	22,4	23,9	17,7	12,7	14,4	10,3
Мне не была симпатична ни одна из участвующих в выборе политическая партий/никто из кандидатов	7,6	7,3	8,6	7,2	8,1	6,0
Результаты выборов известны заранее, от моего голоса ничего не зависит	23,7	23,3	24,7	57,0	58,8	54,4
Я не знал номер своего избирательного участка	4,1	4,7	2,2	5,8	3,8	8,7
По состоянию здоровья	2,2	1,9	3,2	3,5	1,1	7,1
Моей фамилии не было в списке избирателей	10,1	10,1	10,2	-	-	-
Другое	11,4	10,3	15,1	-	-	-
Затрудняюсь ответить	4,3	3,8	5,9	-	-	-

Заключение

Заключение

Исследование показало, что в городской среде сформирован ряд стереотипных представлений об электоральном поведении сельских жителей. Отвечая на вопрос о том, кому в большей мере свойственна электоральная активность, горожане — участники фокус-групповых дискуссий указывали на сельчан, как более дисциплинированных избирателей. Надо сказать, что результаты анкетных опросов не подтверждают в полной мере предположения горожан, полученные по результатам анализа фокус-групп. С одной стороны, практически нет различий в таком аспекте электорального поведения, как период принятия решения о том, за кого проголосуют городские и сельские избиратели: чаще всего решение о голосовании в обоих случаях принимается за несколько дней/недель до дня выборов. В данном случае можно выдвинуть предположение о наличии равномерного информирования всех групп населения о дате выборов, их содержании и схожего отношения избирателей из разных групп к работе с электоральной информацией.

С другой стороны, результаты опросов подтверждают представление горожан о сельчанах, как более активных избирателях. Количественные данные показывают некоторое превышение у сельчан показателей готовности прийти на выборы, по сравнению с горожанами, вместе с тем нельзя сказать, что оно существенно выше (например, в 2023 г. о том, что пойдут на выборы сказали 62% сельчан и 57% горожан). Но в этом случае важно отметить, что и это представление стремится стать стереотипом, потому что в сельской местности видно снижение числа тех, кто планировал пойти на парламентские выборы. Примечательно, что данный процесс стал проявляться после выборов 2016 г.: если на выборах 2004 и 2007 гг. о том, что они планируют пойти на выборы сообщали около 80% сельских избирателей (обязательно и скорее всего пойду), то в 2017 г. их доля снизилась

до 73%, в 2023 г. до 62%.

Однако, горожане не ошибаются в своих предположениях о мотивах голосования сельских избирателей. Прежде всего, речь идет о так называемом дисциплинарном голосовании, имеющем характер ритуала: около 60% сельчан в рамках опросов разных лет выбирали вариант ответа, что «участие в выборах является долгом гражданина, я всегда хожу на выборы». Также в сельской среде растет число избирателей, электоральное поведение которых можно отнести к голосованию «от противного»: так, в 2021 г. более пятой части сельчан пошли на выборы, потому что не хотели, чтобы кто-то вместо них распорядился их «голосом» (18% в 2004 г.). Вместе с тем интересно, что доля тех, чье голосование можно назвать осознанным, т.е. тех, кто хотел бы отдать свой голос за партию (кандидата), деятельность которой (-ого) поддерживают, сохраняется на одном уровне – каждый седьмой сельский избиратель в опросах 2004 г. и 2021 г., что можно назвать недостаточно высоким показателем.

В целом всё же можно сказать, что с течением времени происходят изменения в сторону сглаживания различий в электоральном поведении городских и сельских жителей как в силу заметного снижения «осознанности» выбора горожан, так и в связи с общим скепсисом в обеих группах в отношении выборного процесса (от моего голоса ничего не зависит), что отражается на оценках потенциальной явки. Также отметим еще один факт: выборы по смешанной системе – 2004 г. и 2023 г. – вызывали меньший интерес избирателей (как сельских, так и городских), чем выборы, проведенные по пропорциональной системе. Очевидно, что нужны дополнительные исследования по выявлению партийно-политических предпочтений населения, чтобы сделать более точные выводы о глубинных процессах, протекающих в казахстанском электорате, как в городском, так и, безусловно, сельском.

Статья подготовлена в рамках грантового научного проекта AP23488744 «Политическое участие в Казахстане: динамика и возможности расширения», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Список литературы

1. Michalak K. Schema // International Encyclopedia of Political Science. All Volumes / Editors: Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. – London: SAGE Publications, 2011 – P. 2362-2364.
2. Diamanti I. Public Opinion // International Encyclopedia of Political Science. All Volumes / Editors: Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. – London: SAGE Publications, 2011 – P. 2166-2172.
3. Westle B. Identity, Social and Political // International Encyclopedia of Political Science. All Volumes / Editors: Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. – London: SAGE Publications, 2011 – P. 1131-1143.
4. Hyneman C. S. Review of Political Man: The Social Bases of Politics., by S. M. Lipset. // Administrative Science Quarterly, 5(2). – 1960. – P. 326–328. – <https://doi.org/10.2307/2390789>

5. Gimpel J.G., Lovin N., Moy B. et al. The Urban–Rural Gulf in American Political Behavior. // *Polit Behav.* – 2020. – P. 1343–1368. – <https://doi.org/10.1007/s11109-020-09601-w>
6. Harding R. Urban-Rural Differences in Support for Incumbents across Africa. Working Paper №120. – Afrobarometer, 2010. – <https://www.files.ethz.ch/isn/118708/AfropaperNo120.pdf>
7. Wahman M., Kenneth B. Jr. The Rural Voter. // *SAGE Encyclopedia of Political Behavior* / Editor: Fathali M. Moghaddam. – SAGE Publications, 2017 – https://www.researchgate.net/publication/316464113_The_Rural_Voter
8. Remington T. F. Economic Autonomy and Democracy: Hybrid Regimes in Russia and Kyrgyzstan. By Kelly M. McMann. // *Slavic Review*, 66(4). – 2007. – P. 754–755. – doi:10.2307/20060407
9. Mughees A. Voting behaviour in rural and urban areas of Punjab. // *Journal of Political Studies*, 14 (01). – 2008. – P. 45-55. – <https://jps.pu.edu.pk/6/article/view/152>
10. Munis B.K. Us Over Here Versus Them Over There...Literally: Measuring Place Resentment in American Politics. // *Polit Behav* 44. – 2022. – P. 1057–1078. – <https://doi.org/10.1007/s11109-020-09641-2>
11. Huijsmans T., Rodden J. The Great Global Divider? A Comparison of Urban-Rural Partisan Polarization in Western Democracies. // *Comparative Political Studies*, 58 (2). – 2025. – P. 261–290. – <https://doi.org/10.1177/00104140241237458>
12. de Lange S., van der Brug W., Hartevelde E. Regional resentment in the Netherlands: A rural or peripheral phenomenon? // *Regional Studies*, 57:3. – 2023. – P. 403-415. – DOI: 10.1080/00343404.2022.2084527
13. Claassen Ch., Carman Ch., Bankov P. Is there a rural-urban political divide in Britain? // *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*, 35:4. –2025. – P. 661-689. – DOI: 10.1080/17457289.2024.2393587
14. Agustino L., Hikmawan M.D. How powerful are village heads? Clientelism in the reform era of Indonesia's democracy. // *Front. Polit. Sci.* 8:1747452. – 2026. – doi: 10.3389/fpos.2026.1747452
15. Claassen Ch., Bankov P., Carman Ch. Countryside champions or urban allies? What rural and urban citizens want from elected representatives. // *Electoral Studies*, 95, [102937]. – 2025. – doi: 10.1016/j.electstud.2025.102937
16. Воробьева И.В. Политическое участие жителей российского села // *Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2017. №3 (9). – <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-uchastie-zhiteley-rossiyskogo-sela>
17. Санжаева Ж., Аскеева Г., Урпекова А. Особенности проведения избирательных кампаний на выборах сельских акимов в Казахстане. – *Казахстан-Спектр*, т. 106, №2. – 2023. – <https://journal-ks.kisi.kz/index.php/ks/article/view/229>
18. Мархиев Д., Бакирова Б., Мухамедгалиева А., Куншашева А. Оперативный анализ ситуации с выборами акимов местного уровня // Сайт ОФ «ЦСПИ «Стратегия» – <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/772-operativnyj-analiz-situatsii-s-vyborami-akimov-mestnogo-urovnya>
19. Акесина А. Прямая выборность акимов как ключ к общественному доверию // Сайт КИСИ при Президенте РК, 02.09.2024. – <https://kisi.kz/ru/pryamaaya-vybornost-akimov-kak-kljuch-k-obshhestvennomu-doveriju/>
20. Амренов А.А. Совершенствование процесса выборов акимов сельских округов (на примере Северо-Казахстанской области) – Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, 2024. – <https://repository.apa.kz/bitstream/handle/123456789/1474/Амренов%20А%20Маг-Проект.pdf>
21. Илеуова Г.Т., Ашимбаев Д.Р. Выборы-2004 в Казахстане: шаг за шагом. – Алматы: ИД «Средо», 2005. – 312 с. – ISBN 9965-9596-2-5
22. Выборы депутатов маслихатов-2023: особенности и тенденции. К 30-летию образования маслихатов. Коллективная монография. – Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2024. – 208 с. – ISBN 978-601-81083-8-9
23. Насимова Г.О., Илеуова Г.Т. и др. Протестный потенциал в Казахстане: от декларации к действиям / – Алматы, Қазақ университеті, 2022. – 158 с. – ISBN 978-601-04-7113-9

References

1. Michalak K. (2011) Schema. International Encyclopedia of Political Science. All Volumes. Editors: Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. London: SAGE Publications, Inc. pp. 2362-2364.
2. Diamanti I. (2011) Public Opinion. International Encyclopedia of Political Science. All Volumes. Editors: Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. London: SAGE Publications, Inc. pp. 2166-2172.
3. Westle B. (2011) Identity, Social and Political. International Encyclopedia of Political Science. All Volumes. Editors: Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. London: SAGE Publications, Inc. pp. 1131-1143.
4. Hyneman C. S. (1960). Review of Political Man: The Social Bases of Politics., by S. M. Lipset. Administrative Science Quarterly, 5(2), pp. 326–328. <https://doi.org/10.2307/2390789>
5. Gimpel J.G., Lovin N., Moy B. et al. (2020) The Urban–Rural Gulf in American Political Behavior. Polit Behav, pp. 1343–1368. <https://doi.org/10.1007/s11109-020-09601-w>
6. Harding R. (2010). Urban-Rural Differences in Support for Incumbents across Africa. Working Paper №120. Afrobarometer. <https://www.files.ethz.ch/isn/118708/AfropaperNo120.pdf>
7. Wahman M., Kenneth B. Jr. (2017). The Rural Voter. SAGE Encyclopedia of Political Behavior Editor: Fathali M. Moghaddam. SAGE Publications, Inc., https://www.researchgate.net/publication/316464113_The_Rural_Voter
8. Remington, T. F. (2007). Economic Autonomy and Democracy: Hybrid Regimes in Russia and Kyrgyzstan. By Kelly M. McMann. Slavic Review, 66(4), pp. 754–755. doi:10.2307/20060407
9. Mughees A. (2008). Voting behaviour in rural and urban areas of Punjab. // Journal of Political Studies, 14 (01), pp. 45-55. <https://jps.pu.edu.pk/6/article/view/152>
10. Munis B.K. (2022) Us Over Here Versus Them Over There...Literally: Measuring Place Resentment in American Politics. Polit Behav 44, pp. 1057–1078. <https://doi.org/10.1007/s11109-020-09641-2>
11. Huijsmans T., Rodden J. (2025). The Great Global Divider? A Comparison of Urban-Rural Partisan Polarization in Western Democracies. Comparative Political Studies, 58(2), pp. 261–290. <https://doi.org/10.1177/00104140241237458>
12. de Lange S., van der Brug W., Hartevelt E. (2023) Regional resentment in the Netherlands: A rural or peripheral phenomenon? Regional Studies, 57:3, pp. 403-415, DOI: 10.1080/00343404.2022.2084527
13. Claassen Ch., Carman Ch., Bankov P. (2025) Is there a rural-urban political divide in Britain? Journal of Elections, Public Opinion and Parties, 35:4, pp. 661-689, DOI: 10.1080/17457289.2024.2393587
14. Agustino L., Hikmawan M.D. (2026) How powerful are village heads? Clientelism in the reform era of Indonesia's democracy. Front. Polit. Sci. 8:1747452. doi: 10.3389/fpos.2026.1747452
15. Claassen Ch., Bankov P., Carman Ch. (2025) Countryside champions or urban allies? What rural and urban citizens want from elected representatives. Electoral Studies, 95, [102937]. (doi: 10.1016/j.electstud.2025.102937)
16. Vorob'eva I.V. (2017) Politicheskoe uchastie zhitelei rossiiskogo sela [Political participation of residents of the Russian village] // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedenie». №3 (9). – <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-uchastie-zhiteley-rossiyskogo-sela>
17. Sankhaeva Zh., Askeeva G., Urpekova A. (2023) Osobennosti provedeniya izbiratel'nykh kampanii na vyborakh sel'skikh akimov v Kazakhstane [Peculiarities of conducting election campaigns for rural akims in Kazakhstan]. Kazakhstan-Spektr, tom 106, №2. <https://journal-ks.kisi.kz/index.php/ks/article/view/229>
18. Markhiev D., Bakirova B., Mukhamedgalieva A., Kunshasheva A. Operativnyi analiz situatsii s vyborami akimov mestnogo urovnya [Operational analysis of the situation with the elections of local akims]. Website of the Public Foundation "CSPR "Strategy" <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/772-operativnyj-analiz-situatsii-s-vyborami-akimov-mestnogo-urovnya>
19. Akesina A. (2024) Pryamaya vybornost' akimov kak klyuch k obshchestvennomu doveriyu [Direct election of akims as a key to public trust]. Website of the KISI

- under the President of the Republic of Kazakhstan, 02.09.2024. <https://kisi.kz/ru/pryamaya-vybornost-akimov-kak-kljuch-k-obshhestvennomu-doveriju/>
20. Amrenov A.A. (2024) Sovershenstvovanie protsessa vyborov akimov sel'skikh okrugov (na primere Severo-Kazakhstanskoi oblasti) [Improving the process of electing akims of rural districts (using the North Kazakhstan region as an example)]. Akademiya gosudarstvennogo upravleniya pri Prezidente Respubliki Kazakhstan. <https://repository.apa.kz/bitstream/handle/123456789/1474/Amrenov%20A%20Mag-Proekt.pdf>
 21. Ileuova G.T., Ashimbaev D.R. (2005) Vybery-2004 v Kazakhstane: shag za shagom [The 2004 Elections in Kazakhstan: Step by Step]. Almaty: ID "Credo". p. 312 ISBN 9965-9596-2-5
 22. Vybery deputatov maslikhatov-2023: osobennosti i tendentsii. K 30-letiyu obrazovaniya maslikhatov. [Elections of Maslikhat Deputies-2023: Features and Trends. On the 30th Anniversary of the Formation of Maslikhats]. Kollektivnaya monografiya. Astana: Kazakhstanskii institut strategicheskikh issledovaniy pri Prezidente RK, 2024. p. 208 ISBN 978-601-81083-8-9
 23. Nasimova G.O., Ileuova G.T. et al. (2022). Protestnyi potentsial v Kazakhstane: ot deklaratsii k deistviyam [Protest Potential in Kazakhstan: From Declaration to Action]. Almaty, Qazaq universiteti, 2022. p. 158. ISBN 978-601-04-7113-9

Материал поступил в редакцию 16.03.2026
Утвержден к публикации 18.06.2026